

ЧУДАЧЕСТВО.

Если мы встрѣчаемъ между людьми высшаго и средняго общества чудаковъ, то конечно приписываемъ это прихотямъ, причудамъ, которыя, какъ извѣстно, являются тамъ только, гдѣ есть изъ чего причудничать, то есть, при жизни болѣе или менѣе роскошной и изобильной. Но къ удивленію нашему и отчасти къ опроверженію этого мнѣнія, мы находимъ и въ самомъ низшемъ слоѣ общества чрезвычайно много чудаковъ, и потому едва ли не должны признать чудачество врожденнымъ свойствомъ человѣка, выражениемъ свободной воли его и независимости, дошедшими до нѣкоторой крайности. Видно душа не всегда мѣру знаетъ.

Я зналъ одного простаго, невзрачнаго, безграмотнаго крестьянина, и именно въ Оренбургской губерніи, который по истинѣ ни въ чемъ не уступалъ знаменитому до

нашихъ временъ на весь міръ Діогену, который чествуется всѣми нами подъ именемъ мудреца. Крестьянинъ этотъ тѣмъ еще безспорно браль верхъ надъ мудрецомъ греческимъ, что жилъ не тунеядцемъ, не лежаль на боку, а работаль; во вторыхъ онъ всѣхъ людей оставляль въ покоѣ, не бранился съ ними, не осмѣивалъ ихъ за то, что они живутъ не по его обычаю, но самъ строго держался правиль своихъ, принятыхъ имъ, какъ говорили, еще съ молода, и до которыхъ онъ дошелъ безспорно своимъ умомъ или самодурью.

Онъ не позволяль себѣ никогда и никакой роскоши, забавы, излишества, лакомства, или удовольствія; поэтому онъ носиль только самое необходимое платье и шапки или шляпы у него не было въ заводѣ; за это его и звали Афоней безшапочнымъ, и прозваніе безшапочныхъ перешло на его дѣтей. Не будучи вовсе ни ханжой, ни изувѣромъ, онъ быль однакоже сухоядецъ, то есть, никогда не ъль горячаго, и питался однимъ только хлѣбомъ и водой; ничѣмъ нельзя было заставить его отвѣдать водки,

пряника, чаю, лакомства, или даже какого бы то ни было приготовленного кушанья: онъ благодариль, кланялся и приговариваль только: не надо. Но онъ жиль въ одной избѣ съ женатымъ сыномъ, и даваль ему полную волю жить по людски; даже, какъ сынъ и сноха увѣряли, ни разу не уговариваль ихъ слѣдовать его примѣру, не только за это не бранился.

У насъ есть люди глупые и до безсмысленности суевѣрные, налагающіе проклятие на табакъ, картофель, на мясо дичи, зайца и проч., но и этого за Афоней не было; если допытывались у него причины странностей его, то онъ, пожимая плечами, отвѣчалъ, что бѣды и грѣха отъ этого никому нѣть; а не想要 онъ того или другаго потому, что этого ему не надо. Его любили въ домѣ и на деревнѣ, какъ смиренаго и работящаго мужика, и говорили, смѣючись, про сына Афона: хорошо ему жить, по неволѣ богатъ будеть — виши у него работникъ какой въ домѣ живеть, пить-ѣсть не просить, а дѣло у него спорится.

Желательно было бы знать въ подобномъ случаѣ, что именно можетъ заставить бѣднаго человѣка, который и безъ того уже поставленъ въ ограниченное положеніе, стѣснить и ограничить себя произвольно еще болѣе? Иногда это бываетъ, какъ я уже сказалъ, суевѣріе; иногда также изувѣрство; можетъ быть и природное чудачество, но безспорно въ иныхъ случаяхъ это есть убѣжденіе разума и сила воли.

Вотъ другой примѣръ, относящейся впрочемъ, кажется, не до разумнаго убѣжденія, а до суевѣрія и чудачества.

Въ Костромской губерніи жилъ еще очень недавно старикъ лѣтъ подъ 90, который съ незапамятныхъ для нынѣшняго поколѣнія временъ, ходилъ по міру, но не приставалъ конюкой къ прохожимъ, не садился на большихъ дорогахъ, не толкался на погостахъ, даже рѣдко ходилъ подъ окнами, а обхаживалъ въ теченіе года большое пространство, то есть, много сель и деревень, завертывая не болѣе какъ по два раза въ годъ къ одному и тому же

крестьянину, и не выпрашивая денегъ, довольствовался тѣмъ, если его накормятъ. Но онъ вовсе не бѣгалъ отъ горячаго, а напротивъ искалъ только того, чтобы гдѣ похлѣбать щецъ. За эту нестяжательность его любили и нигдѣ не отказывали ему въ кускѣ хлѣба, о которомъ онъ впрочемъ просилъ тогда только, когда бывалъ голоденъ. У него были двѣ поговорки, безъ которыхъ онъ не начиналъ и не оканчивалъ рѣчи: *вотъ—де* на грошъ, — и Варвара безсережная. Онъ между прочимъ гнушался картофелемъ въ такой степени, что считалъ ту посуду поганою, въ которой картофель варился, и убѣждалъ всѣхъ не єсть этой, противной Богу, пищи. О табакѣ онъ не могъ и слышать равнодушно, хотя и не принадлежалъ къ раскольничьему толку. Онъ былъ богомоленъ, очень тихъ и кротокъ, любилъ дѣтей и часто съ ними забавлялся, говоря обѣихъ: вонъ, онъ Бога и не знаетъ, а Богъ его любить. Но если бывало кто заспорить съ нимъ о табакѣ или картофелѣ, то можно было крѣпко разсердить дѣдушку Василія, и онъ

выходилъ изъ себя. На немъ всегда была пребольшая сума, порядочно чѣмъ то набитая; многіе дивились этому, зная именно нестяжательность его, и спрашивали, для чего онъ просить хлѣба, говоря, что голодень, когда у него suma набита хлѣбомъ? — Тогда онъ отвѣчалъ: Варвара безсережная, это хлѣбъ не про этотъ свѣть, а про тотъ.» До сумы этой никому не давалъ дотронуться, берегъ ее пуще глазу, и никто не зналъ, что въ ней есть; иные даже полагали, что онъ таскаетъ деньги съ собой, другіе, что это священныя книги, но всѣ знали, что стариkъ былъ безграмотенъ.

Разъ какъ то его хорошо накормили у давно знакомаго крестьянина, и стали упрашивать, когда онъ былъ въ духѣ, игралъ съ дѣтьми и разговорился: Дѣдушка Василій, скажи пожалуста, за что это Богъ прокляль табакъ да картофель, говорять, ты все это знаешь?

«А вотъ за что, сказалъ стариkъ, прибавивъ къ этому: *вотъ — не* на грошъ, — слушай: надо знать, отъ чего это поганое

зелье уродилось, такъ тогда и самъ поймешь, безъ меня. Виши—ли у царя Ирода была дочь, нечестивая дочь нечестиваго отца, — любила она не человѣка, а пса. Узнавши объ этомъ, царь Иродъ приказалъ ихъ обоихъ заколоть живыхъ; вотъ — отъ кобеля зародился да пошелъ расти картофель, а отъ дочери Ирода нечестиваго произшелъ табакъ, нечестивое зелье. Такъ вотъ теперь и смѣкай самъ, Варвара безсережная, погана ли трава эта, что табакъ, что чортово яблоко, аль нѣть.» — А почему же ты, дѣдушка Василій, знаешь все это? — Поживитко съ мое, *вот—те* на грошъ, такъ и самъ узнаешь.»^{*})

По смерти дѣдушки Василія стали съ любопытствомъ осматривать суму его: первый, кто ее въ руку взялъ, удивился; такъ тяжела, что человѣку только подъ силу поднять. Заглянули въ нее — какие—то свертки въ отрепьяхъ, развернули —

^{*}) Ко мнѣ приходилъ однажды старикъ раскольникъ — просить книги Пандока. На что тебѣ Пандокъ? спросилъ я. «Тамъ, сказали мнѣ, отвѣчалъ онъ есть такая—то исторія (разсказанная о картофелѣ), да въ Бароніѣ. Баронія три книги я прочелъ, а обѣ картофелѣ ничего не нашелъ.» Ну и въ Пандокѣ, прерваль я, ты ничего не найдешь, и успокоилъ его.

каменья, больше ничего. Стариkъ таскалъ на себѣ нѣсколько лѣть каменные вериги.

Есть еще въ деревняхъ особый родъ дурачковъ, которые бывають толковы по всѣмъ статьямъ, кромѣ одной: не смѣй при нихъ выговорить какое нибудь слово, котораго онъ не терпитъ, а скажешь, такъ онъ либо бранится всякими нечестивыми ругательствами, либо бѣть зря, чѣмъ ни попало, и притомъ не разбирая лица, кто бы ни былъ. Я зналъ одного такого, при которомъ нельзя было выговорить слово *топоръ*, и если кому, забывшиcь, или даже по незнанію, случалось сдѣлать это, то Макаръ пускалъ ему въ голову что держалъ въ рукахъ — полѣно, чашку, ножъ, все равно. Доходило до того, что его ужъ не разъ за это наказывали, когда онъ слишкомъ забывался, и выходила драка, или когда онъ сильно ушибалъ кого по напрасну; — но ему неймется и по нынѣ онъ отъ этого норова не отстаетъ. Люди привыкли къ нему, то тѣшатся этимъ, то спускаютъ и поблажаютъ, говоря: ужъ онъ у насъ все такой; — и ему часто съ рукъ

сходить то, за что бы всякому другому пришлось бы плохо.

Я зналъ другаго, при которомъ нельзя было помянуть крысы, если не пожелать выкупаться: какъ только кто нибудь выговорить слово это, то онъ тотчасъ же набираеть въ ротъ воды, или береть ковшъ, ведро съ водой, и обдаеть съ ногъ до головы своего врага, хотя бы это было зимой и посреди улицы. Если тотъ уходилъ, то онъ не забывалъ мести своей, а отплачивалъ ему поливкой позже, даже на другой или третій день.

Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, я думаю, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это просто блажь, дурь или шаль, закоренѣлая отъ первоначальной повадки. Людямъ нравится дѣлать безнаказанно то, чего никто другой дѣлать не смѣеть.
